

водораздел между Мгой и Тосной, впадавшей в Финский залив, образовали р. Неву. В месте прорыва остались Ивановские пороги. Образование р. Невы и ее глубинная эрозия привели к быстрому снижению уровня Ладожского озера и формированию рельефа в очертаниях, близких к современным. Обычно полагают, что прорыв водораздела рек Мги и Тосны произошел 4—4.5 тыс. лет назад, а окончательное сложение рельефа — 2.5 тыс. лет назад. В последние годы Д. Д. Квасов значительно омолодил датировки, придя к выводу, что р. Нева образовалась в интервале 2.3—1.2 тыс. лет назад.⁷⁸ Не вдаваясь в подробную аргументацию различных датировок, следует отметить, что в любом случае р. Нева и рельеф, близкий к современному, сформировались до возникновения ладожского поселения и сложения балтийско-волжского пути.

Таким образом, предположение П. П. Смирнова и В. Б. Вилинбахова о Ладоге как историческом центре на берегу озера не могут быть подтверждены. Ладога действительно находилась географически вне восточного пути, если встать на распространенную точку зрения о том, что этот путь шел по Ладожскому озеру и далее по рекам юго-восточного Приладожья. В то же время расположение Ладоги на берегу крупной реки, ведущей в глубь материка, вполне согласуется с наблюдением, сделанным на основании изучения топографии кладов куфических монет, о прохождении торгового пути на Восток по Волхову и далее по рекам, впадающим в оз. Ильмень.

И. Г. СПАССКИЙ

МОНЕТНОЕ И МОНЕТОВИДНОЕ ЗОЛОТО В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПЕРВЫЕ ЗОЛОТЫЕ ИВАНА III

Больше ста лет в Эрмитаже хранится золотой Ивана III и его сына Ивана Молодого — подражание венгерскому дукату Матвея Корвина (1458—1490), с изображением на одной стороне св. Владислава с секирой и державой в руках, с четырехчастным гербом на другой и с русской легендой на обеих (см. таблицу, 1—2).¹

⁷⁸ Кузнецов С. С. Геологическое прошлое Ленинграда и его окрестностей. Л., 1955, с. 14—22; Нежиховский Р. А. Река Нева. Л., 1973, с. 22—24; Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1974, с. 29, 30; Экман И. М., Лак Г. Ц., Лийва А. А. К истории Ладожской трансгрессии. — История озер в голоцене. IV Всесоюзн. симпозиум по истории озер. Тезисы докладов. Т. 3. Л., 1975, с. 38—45.

¹ Инв. № Аз 19, вес 3.39 г, проба 958°, диам. 24 мм, с отверстием.

Со времени С. де Шодуара, признавшего эту монету изделием мастеров, будто бы присланных Ивану III из Венгрии около 1483 г., она считается памятником деятельности в России иностранных денежных мастеров.²

Остающийся донныне уникалом, золотой получил известность, когда находился в коллекции рижского ученого И. Х. Броце (1742—1823),³ которому принадлежит и первое описание, опубликованное в 1785 г.⁴ На гравюре монета изображена без отверстия, но сомневаться в идентичности ее эрмитажному экземпляру не приходится: в 1825 г. у Н. П. Румянцева находилась карандашная протирка этой монеты, передающая и отверстие.⁵ После Броце золотой достался рижскому бургомистру Ф. И. Герману (1786—1856), около 1858 г. оказался в коллекции купца Готхарда Минуса (1810—1876), а за десять лет до распродажи его коллекции был приобретен Эрмитажем в 1864 г.⁶

Оригиналом для московского резчика штемпелей послужил дукат с соединенным гербом Венгрии и Корвина и со знаком монетного двора — колесом на небольшом щитке справа от фигуры святого (см. таблицу, 3—4).⁷ Дукаты Матвея Корвина (не имевшие обозначения даты выпуска) сохраняли эту композицию оборотной стороны только до 1467 г., когда щит с гербом заменила *Patrona Hungariae* — изображение богородицы,⁸ что, разумеется, не отменяло обращения ранее выпущенных; длительность обращения любых дукатов — хорошо известный факт,⁹ поэтому выбор оригинала для московского повторения не представлял никаких

² Шодуар С., де. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен, ч. 2. СПб., 1840, с. 27—28; Собрание изображений. 1837. Табл. 1, № 5. В венгерской литературе эта монета, после того как ее видел в Эрмитаже Пал Хувфалви, считалась «медалью в память союза между Иваном III и Матвеем I» (*Századok*, 1874, с. 346).

³ *Latviešu konversācijas vārdnīca*, t. 2. Rīga, 1928—1929, с. 3019—3020.

⁴ *Beschreibung dreier alter Russischen Münzen.* — In: Hupel A. W. *Der Nordischen Miscellaneen 9-tes und 10-tes Stück.* Rīga, 1785, S. 315 (автор указан в примечании); ср.: Потин В. М. Венгерский золотой Ивана III. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 282.

⁵ Архив АН СССР, ф. 88, оп. 2, № 115, л. 226.

⁶ *Die rigasche Rathslinie vom Jahre 1226 bis auf die gegenwärtige Zeit.* Rīga, 1857, S. 120; *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga aus der Jahr 1875.* Rīga, 1876, S. 9; 1877—1881, S. 50; Egger Br. *Die Gothard Minussche thaler und medaillen Sammlung...* Wien, 1874; Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Мипцкабинета — Отдела нумизматики. — *НиЭ*, 1970, т. VIII, с. 196.

⁷ *Friedberg R. Gold coins of the world. Third edition.* N. Y., 1971, p. 230.

⁸ *Rethy L., Probst G. Corpus nummorum Hungariae.* Graz, 1951, s. 34.

⁹ В захороненном на рубеже XVII—XVIII вв. Могилевском кладе дукатов было два дуката XV в., в том числе один Корвина. См.: Маркова А. А. Могилевский клад дукатов XVI—XVII вв. — *Труды Гос. Эрмитажа*, 1961, т. IV, с. 39—43. Дата оригинала московского золотого имеет значение лишь как *terminus post quem*.

затруднений в течение всего XV в., а имел место именно выбор, так как на русские монеты XIV—XVI вв. решительно не допускались священные изображения.¹⁰

Начало русской легенды золотого изящного и уверенного письма разъясняет новый смысл заимствованного образа канонизированного католической церковью древнего короля —

КНЗЪВЕЛКЪ ВЪЧВСАМЪ

(лигатуры ИК, АЕ, АС и ЛЬ). Надписи многих русских монет XV—XVII вв., подобно обязательным обозначениям на иконах, исключают сомнения в смысле изображений, хотя бы образ и был заимствован и не имел никаких черт индивидуальности. Последние заменяют понятные каждому «канонические» атрибуты, в данном случае власти — корона, держава и оружие. (Вместе с ними московскому государю достался и нимб святого).

Под концом рукояти секиры, где на венгерских дукатах помещался знак минцмейстера, стоит буква I, среди таких знаков не встречающаяся. Фигура князя похожа и не похожа на оригинальное изображение. Охваченная нимбом, коронованная бородастая голова очень укрупнена (ее длина составляет $\frac{1}{4}$ длины всей фигуры). От королевской мантии, спадающей на оригинале позади святого, остались только складки на плечах.

На другой стороне продолжение легенды называет сына — соправителя Ивана III — Ивана Молодого (1458—1490). —

КНЗАВЛЖОВЪЧВАНОВЪССЕМЪС

Здесь какого-либо соответствия между надписью и изображением нет. Герб повторен более или менее правильно, но гравер развернул на 90° изображение ворона (герб Корвинов) в нижнем левом поле, видимо, ориентируясь на соседнее изображение льва, как будто герб нужно рассматривать, положив щит боком.

Н. П. Лихачев, посвятивший золотому Ивану III краткое, но весьма содержательное исследование, исходя из того важнейшего факта, что московские летописи, весьма внимательные к титулатуре «своих» князей, как и государственные грамоты, именуют Ивана Молодого великим князем только с 1471 г.,¹¹ датировал

¹⁰ Первым в XVI в. на штемпелях Москвы появился «московский герб» — св. Георгий-змееборец (только на золотых, на грудном щитке орла), да и то привела его туда давняя двойственность в понимании этого образа, возникшая после 1534 г., когда для копейки было принято изображение «князя великого на коне, а имеяй копие в руке». См.: Спасский И. Г. 1) Русская монетная система. Изд. 4-е. Л., 1970, с. 99; 2) Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА СССР, 1955, № 44, с. 265—266.

¹¹ ПСРЛ, т. VIII, с. 163; Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VI. 1817, с. 45, прим. 66; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 69.

ТАБЛИЦА

1

2

3

4

5

6

7

8

1—2 — «угорский» Ивана III и Ивана Ивановича (Эрмитаж); 3—4 — венгерский дукат Матвея Корвина раннего типа; 5—6 — корабельник Ивана III и Ивана Ивановича (Эрмитаж); 7—8 — нобль Эдуарда III, выпуск 1344 г. (Британский музей).

9

10

11

12

13

14

15

9—11 — золотые XVI и XVII вв.: «угорский» Федора Ивановича, португал Лжедмитрия и четырехкратный «угорский» Михаила Федоровича (Эрмитаж); 12—14 — денги Ивана III с именами «Аристотелес» и «Мастер Александр» (Эрмитаж) (двойное увеличение); 15 — португал Эммануила Счастливого (Эрмитаж).

золотой этим или следующим годом, усматривая в букве I знак московского денежника Ивана Фрязина, «который, уехав из Италии в 1455 г., долго жил в Москве, принял православие и, несомненно, знал по-русски», а покинул Москву в 1472 или в начале 1473 г.¹² Исследователь писал: «Наиболее вероятным является предположение, что этот золотой отнюдь не результат попытки ввести чеканку русских червонцев... а единственная в своем роде медаль... в честь объявления князя Ивана Ивановича великим князем и как бы соправителем отца и, может быть, для раздачи в награду шелонским победителям», поскольку к тем же годам относится самое раннее сообщение летописи о награждении золотыми за ратные подвиги.¹³ Обсуждая причины, которые могли побудить Ивана III определить будущее первенца около 1471 г., Н. П. Лихачев отказался поставить это в связь со вторым браком, так как он свершился в 1472 г.; однако возможность сватовства обсуждалась достаточно долго, следовательно, и решение о наследовании могло предшествовать браку.

Венгерский золотой Эрмитажа долго оставался единственным известным русским золотым XV в. и вообще первым для Московской Руси. В богатейшем подборе золота эрмитажной русской коллекции ему непосредственно предшествуют киевские златники X в. Золотые преемника Ивана III, Василия III, до нас не дошли, но известны по упоминанию летописи,¹⁴ и только начиная с царствования Грозного представлена более или менее связанная серия русских «знаков почета» — золотых разных видов, называть которые монетами, т. е. орудием денежного обращения, невозможно.

Летописи и другие источники XV—XVI вв., свидетельствуя о широком знакомстве Руси с монетным золотом Западной Европы, не менее часто, чем «угорские» (венгерские) дукаты, упоминают «корабельники» — более тяжелые английские нобли (или изготовлявшиеся в Европе подражания им). Зная о существовании русского «угорского», можно было предполагать, что в свое время как оригинал для повторения не был обойден и крупный и очень красивый нобль. Один документ 1591 г. засвидетельствовал чеканку русских золотых в весе ноблей,¹⁵ но по типу ли их?

Предположение о существовании русских корабельников XV в. и даже об обращении их в Западной Европе высказал недавно В. М. Потин, исходивший при этом из толкования ганзейского документа 1482 г., кратко упоминающего о конфискации на Гот-

¹² Лихачев Н. П. «Московский золотой». — Археологические известия и заметки, 1897, т. V, вып. 7—8, с. 212 и 213.

¹³ Там же.

¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VII, с. 41 и 44.

¹⁵ Спасский И. Г. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси. — Труды Гос. Эрмитажа, 1961, т. IV, с. 98.

ланде «12 русских ноблей».¹⁶ Трудно разделить уверенность автора в том, что прилагательное «русский» может здесь относиться только к стране изготовления. Однозначные решения в подобных случаях рискованны, так как на деле такая формулировка может выражать любое отношение предмета к данной стране. (Пример подобной «двузначности»: русское название «любский» для талеров различных германских государств, порожденное ролью Любека в поставке их в Россию). Особенно настораживает число собравшихся в одном немецком кошельке одинаковых по месту чеканки монет, притом несомненно редчайших; хотя бы один «английский» замешался между ними!

Как бы там ни было, а через 110 лет после «угорского», на рубеже 1975 г., Эрмитаж стал обладателем и второй русской реплики западной золотой монеты времени Ивана III — корабельника, причем и само это древнерусское слово входит в легенду, во всем остальном подобную приведенной выше (см. таблицу, 5—6).¹⁷ Насколько хорошо прослеживается коллекционное прошлое «угорского», настолько скупы сведения о прошлом корабельника. Приобретенный во Львове, он многие годы хранился в семье Шлапинских (литовского происхождения). Последним владельцем он унаследован как семейная реликвия от бабушки, долго жившей в одном из имений Радзивиллов (Радзивиловка, ныне с. Червоноармейское Бродовского района Львовской обл.).

Как и «угорский», корабельник Эрмитажа продырявлен; может быть, его и сохранило то, что он служил украшением. Оригиналом для московского гравера послужил ранний нобль Эдуарда III (1327—1377), в то время уже более чем столетней давности: выпуск этой разновидности относится к 1344 г.¹⁸ Он отличается по наклонному положению меча в руке короля; на ноблях позднейших выпусков Эдуарда III и его преемников меч строго вертикален. Убедительными признаками служат также характерные детали кормы корабля — две помещенные одна над другой угловатые фигуры (см. таблицу, 7—8), а также знак монетного двора L (Лондон) в центре «процветшего креста» на другой стороне (в чеканке он оттиснулся зеркально). Спектрографирование, проведенное в лаборатории Эрмитажа А. И. Косолаповым, установило идентичность металла русского повторения и английских ноблей.

Исполнитель, а скорее заказчик, в этом случае как будто не претендовал на «присвоение» имеющегося на монете образа. Именно в те годы вооруженный воитель на корабле мог ассоциироваться с выдающимся походом 1469 г. устюжской «судовой

¹⁶ Потин В. М. 1) Корабельники на Руси. — НиЭ, 1970, т. VIII, с. 106; 2) Венгерский золотой... с. 290.

¹⁷ Инв. № Аз 1767, вес. 7.29 г, проба выше 900°, диам. 33 мм, с отверстием.

¹⁸ Grueber H. A. Handbook of the coins of Great Britain and Ireland in the British Museum. London, 1899, № 259, PL VIII; North J. J. English hammered coinage, v. 2. 1272—1662. London, 1960, pl. 1, n. 5.

рати» (о котором в связи с «угорским» вспомнил Н. П. Лихачев¹⁹ и вернуться к которому еще будет повод). Сторону с этим сюжетом московский гравер сделал обратной: определяющее главную сторону начало легенды —

✠ КРЪВЛНЖЫСМЛВЛКЪТЪ ВЪНТЪВАСМЪВЪУЧЪРЪСАРЪСЪСЪГО

(лигатуры ОР, АБ, ЪНИК, ЯВ, АГО и АН) — находится на стороне с крестом, а окончание —

СНАВЛЛСТОКЪЛДПГР|||КНОВУЧКВЛЪ

(лигатуры АГ, АН и АН) — образует круговую надпись стороны с кораблем.

И манера письма, и особенности изображений существенно отличают обе монеты друг от друга: на корабельнике письмо сбивчивое, менее строгое, начало надписи не соподчинено с осями композиции «крыжа»: разделительный крестик поставлен где пришлось. Плохо разделена легенда надвое и так неумело рассчитана, что на обороте пришлось кое-как заполнять свободное место, сэкономленные лигатурами. Хромает и редакция надписи: разный порядок слов в титуловании — «князь великий» и «великий князь», хотя обе формулы в отдельности встречаются как раз в 1470-х годах на первых монетах Ивана III новгородской чеканки.²⁰

В отличие от «угорского» заимствованные композиции корабельника уже подверглись определенному «редактированию», и в этом смысле он представляет новый этап в развитии типа русского золотого. Решительно изгнаны из них львы, лежащие «пособачьи», с мордами на передних лапах; на щите воителя их заменили имевшиеся там лилии (штампик с ними использован и в отделке корабля). Композиция с последним повторена в общем очень точно; лишь трактовка волн особая; вторая же сторона изрядно переработана, и обе композиции выглядят даже разностильными для одного исполнителя. «Капители» на концах креста опираются на пары птичек, а в его углах все тех же львов заменили четыре единорога. Для русской геральдики эта подробность представляет немалый интерес.

Единорог, или иврог, — освященный авторитетом Библии²¹ образ, хорошо знакомый кругу чтения и изобразительному искусству средневековой Руси, даже ее врачеванию: «рог единорога» (нарвала) признавался ценнейшим лекарством. По крайней мере

¹⁹ Лихачев Н. П. «Московский золотой», с. 213—214.

²⁰ Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика, вып. I. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884, с. 142—147; Калинин В. Новгородский денежный двор в начале 1480-х годов. — Сообщ. Эрмитажа, 1973, вып. 36, с. 80.

²¹ Книга чисел, 23, 22; Иова, 39, 9 и 10; Псалтырь, 21, 23; 28, 66; 77, 69 и 91, 11.

с XIV в. русского читателя знакомила с «единорожцем» «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, которая впервые подчинила древнюю легенду христианскому вероучению;²² в том же духе не менее древний в русской письменности «Физиолог» дополняет сведения Индикоплова.²³ Более краток и лишен религиозной окраски позже переведенный Луцидариус.²⁴ Особенно значительна роль в распространении мифа о единороге такого же древнего для Руси, как и Индикоплов, и не менее популярного Жития Варлаама и Иоасафа; в его «Притче об Ипруге» («О сладости жития сего») единорог — «образ смерти».²⁵

Индикоплов и Житие Варлаама и Иоасафа были тем действеннее, что многочисленные их древние лицевые списки давали читателю зрительные представления, причем на их миниатюрах единорог не только изображался отдельно, но присутствовал и в ряде повествовательных композиций: «Адам и Ева в раю», «Ной призывает зверей в ковчег», «Земля, связанная с небом» и «Сладость жития»; все они, кроме того, широко заимствовались иллюстраторами других сочинений — Палеи, Псалтыри, Библии в лицах.²⁶

Псалтырь 1397 г. сохраняет старейшее изображение единорога, но заимствованное из Варлаама и Иоасафа («Сладость жития») ²⁷ (рис. 1). Более или менее современны корабельнику миниатюры Углицкой псалтыри 1485 г.²⁸ (копия псалтыри 1397 г.) и миниатюра Уваровской библии 1495 г.²⁹ Для XVI и XVII вв. может быть

²² Книга глаголемая Козьмы Индикоплова. Из рукописи Московского главного архива МИД, Миней-Четия митрополита Макария (Новгородский список) XVI в. Месяц август, дни 23—31. СПб., 1886, с. 230: «Сей животный наричется единорожець, не видех его. Телеса ж его медяна, поставлена в Ефиопии в храме четверостолные царстве; видех четыре... Глаголют же о нем, яко страшен есть и непобедим, в розе имат всю крепость. И вегда годится от многих гоними быти ему и остав в слудвы вбегнет и вержет себе со высоты и отходящем возвращается и рог восприемлет в се устремление и без пакости пребудет. Таковая же и божественное писание поведает о нем, глаголя...».

²³ Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. — ОЛДП, 92, с. 302, Список Троице-Сергиевской лавры, № 729, XV в.: «Мал живот есть подобен козляти, кроток же зело, не может приблизитися к нем ловець, зане силен есть; един же рог имат посреди главы. То тако убо ловять и: девицю чисту повергнуть пред ним и приползнуть к пазусе девици и персем и съсать и ведеть его девица в полату. Сию рече приложите к лицу Спасову... но вселися в чрево истинная девица богородица Мария и слово плоть бысть и вселися в ны».

²⁴ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о повозаветных лицах и событиях по рукописи Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, с. 434, гл. 20.

²⁵ Житие Варлаама и Иоасафа. — ОЛДП, 1887, с. 182—185.

²⁶ Книга глаголемая Козьмы Индикоплова..., с. 230; Житие Варлаама и Иоасафа, с. 95, 101, 183; Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам, ч. I. М., 1916, с. 66, 136, 138 и табл. 20.

²⁷ Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с. 36—37, табл. 2.

²⁸ Буслеев Ф. И. Сочинения, т. 2. СПб., 1910, с. 208—209, рис. 24.

²⁹ Редин Е. К. Христианская топография..., табл. 20.

Рис. 1. Миниатюра Псалтыри 1397 г. «Притча о единороге» Жития Варлаама и Иоасафа. Человек, увлекшийся диким медом, не замечает, как белая и черная мыши (день и ночь) подгрызают корни дерева; внизу единорог — «образ смерти».

Из книги: Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, табл. 2.

названо множество лицевых списков с перечисленными выше сюжетами. В XVI в. единорог внедряется и в каноническую иконографию: притча о «Сладости мира сего» занимает одно из клейм соловецкой иконы 1547 г.; единорог представлен в нижнем поясе иконы «Хвалите господа с небес» на складне XVI в., а на иконах XVII в. того же сюжета он уже противостоит льву,³⁰ как в декоре фасада Печатного приказа в Москве. Видимо, с того же времени эта характерная композиция становится излюбленным украшением русских литых бронзовых чернильниц.

В. Н. Татищев, знавший в русской официальной эмблематике единорога ранее всего на малой государственной печати царствования Ивана IV, признал его «личным гербом» Грозного;³¹ но оказывается, что московские князья гораздо раньше остановили выбор на «инроге». С XVI в. ему принадлежит почетное место на грудном щитке герба Московского государства — двуглавого орла, которое он делит со второй московской эмблемой — всадником-змееборцем, причем главная сторона (с началом легенды) всегда с единорогом. Обращенный влево, как на корабельнике, единорог находится на золотых Федора Ивановича, а повернутый вправо — на всех золотых его преемников, до Федора Алексеевича (см. таблицу, 9—11); при последнем единорог угасает в московской геральдике. Но поначалу он и один почти не уступал в значении орлу: на упомянутой выше печати орел и единорог занимают каждый свою сторону; на печати Большого приказа он оставался еще в XVII в.³²

Татищев там же описал обнаруженный им на Монетном дворе среди отписного серебра ростовского архиепископа наградной ковш Лжедмитрия, где вместо традиционного орла на дне вычеканен был единорог в окружении надписи: «Яко единорога святителище твое на земли».³³ Корабельник Ивана III — наиболее ранний случай употребления образа единорога в государственной эмблематике Руси.

Выполненные в западной манере, золотые Ивана III представляют высокий интерес в связи со сведениями об иноземных денежныхниках, которые в XV в. имели отношение к денежному откупу, засвидетельствованному как действующая система духовной Ивана III,³⁴ и являются памятниками причастности итальянцев

³⁰ Маясова Н. Памятник с Соловецких островов. Икона «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия» 1545 г. Л., 1969; Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XVI—XVII веков. М., 1960, № 90; Каталог живописи Третьяковской галереи, т. 2. № 1006, табл. 175, см. также № 944 («Хвалите бога во святых его»).

³¹ Татищев В. Н. История Российская, т. I. М.—Л., 1967, с. 370; Лакьер А. Русская геральдика, ч. I. СПб., 1856, с. 271, табл. XV, 1.

³² Лакьер А. Русская геральдика, табл. XIV, 4.

³³ Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 370. Видимо, это очень ранний образец жалованного ковша. Ср.: Гольдберг Т., Мищук Ф., Платонова Н. и Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело XV—XX веков. М., 1967, с. 93.

³⁴ Духовные и договорные грамоты..., № 89, с. 361.

к денежному делу Москвы, пока что только последней трети XV в. М. Н. Тихомиров писал, что в результате торговых связей Москвы с итальянскими колониями в Крыму «фрязи-итальянцы впервые появились в Москве не при Иване III; их здесь прекрасно знали задолго до этого времени».³⁵ Даже свои монетчики, выделывавшие монету не европейского вида, а близкого к русскому, восточного типа, были в Кафе и Тане.

Давно известно, что в последние годы жизни у Василия Темного на службе уже состоял Джан Батиста делла Вольпе, прозванный Иваном Фрязиным, хотя он впервые упомянут летописью как московский денежник лишь в связи со сватовством великого князя 1469 г.³⁶ Еще Н. М. Карамзин считал его — для указанного года — старожилом Москвы, «который уже давно находился на службе великого князя, переселяся к нам, вероятно, из Тавриды и приняв веру греческую».³⁷ Мнение историка подтвердили опубликованные в 1892 г. документы архивов Италии: запись папского казначея 16 июня 1468 г. о выдаче 48 дукатов Николаю Джисларди на поездку в Москву «к живущему там Вольпе», причем эта поездка была результатом вызова со стороны последнего; по тем временам это еще добрый год пребывания Вольпе в Москве. Но еще дальше сдвигает время появления этого итальянца в Москве завещание его сестры Анжелы, датированное 27 августа 1459 г. Разделив свое состояние между матерью и братьями, она особо оговорила долю Батисты, которая «должна сохраниться в порядке до его возвращения из России или до присылки его поверенного».³⁸ Нигде, кроме Москвы, Иван Фрязин Волп русских летописей находится в 1459 г., видимо, не мог. Итак, до высылки в Коломну он провел в Москве добрых 12—15 лет, этого было достаточно, чтобы обучиться говорить по-русски.

Недавно получил известность документ архива Сфорца об итальянце Якопо, представившемся в письме 1462 г. к герцогу Франческо (1450—1466) «монетчиком золотой и серебряной монеты всего царства славнейшего господина Белого императора». При этом доставивший его письмо в Милан московский посол привез герцогу пару золотых работы Якопо.³⁹ Довольно нежи-

³⁵ Тихомиров М. Н. Российское государство XVI—XVII веков. М., 1973, с. 344.

³⁶ ПСРЛ, т. VIII, с. 154.

³⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VI, с. 56, 57.

³⁸ Пирлинг Павел. 1) Россия и Восток. СПб., 1892, с. 24 и 31. Приложения, с. 210; 2) Россия и папский престол, кн. I. М., 1912, с. 168—222; ср.: Потин В. М. Венгерский золотой... с. 284—285, прим. 13.

³⁹ Vagbièri G. Milano e Mosca nelle politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche fra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca Sforcesca. Bari, 1957, p. 22—26, 82—84; Гукровский М. А. Сообщение о России московского посла в Милане (1486). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 648—675. Вслед за первыми откликами ряда советских медиевистов В. М. Потин опубликовал статью «Венгерский золотой...». Увлеченный догадкой о том, что уникам Эрмитажа и есть золотой Якопо 1462 г., он отвергает все доводы

данное для Запада именование московского князя «белым императором» подсказывает соображение о знакомстве Якопо с татарским Востоком, где «белый» в подобном смысле встречается в титулатуре, т. е. о пути монетчика в Москву через причерноморские фактории. Контарини, пришедший именно этим путем, называл Ивана III «властителем Великой Белой Руси».⁴⁰

Так, рядом с Вольпе, занимавшим в Москве видное место, известное у него на родине и в Риме, оказывается еще один итальянец, который, по всей вероятности, тоже работал еще у Василия II, а в 1469 г. «московский денежник» уже Вольпе — не первый год (не будь столь ответственной его роль в сватовстве великого князя, едва ли летопись вообще заинтересовалась бы им). Новое имя денежника, так пышно отрекомендовавшегося в 1462 г., ставит многие вопросы. К сожалению, письмо можно представить себе только по ответу на него; из последнего видно, что поводом для обращения в Милан были ущерб, причиненный пишущему подданным герцога, и желание найти управу на обидчика. Допустимо, что Якопо был предшественником Вольпе по откупу, получив последний еще от Василия Темного, и что Вольпе прибыл с юга вслед за ним. Но, отправляясь от монетного материала второй половины княжения Василия, можно предположить, что денежный откуп был тогда поделен между двумя самостоятельно работавшими денежниками.⁴¹ Обращаясь к герцогу в поисках защиты, Якопо мог слегка преувеличить свою роль в Москве.

После ссылки Вольпе с 1475 по 1485 г. в Москве находился прославленный Фиораванти. А. В. Орешников отказывался признать его денежником и отрицал принадлежность ему имени «Аристотелес» на одном типе денги,⁴² но Н. Собко, приводя обширную библиографию, упоминает о работе Фиораванти как монетчика в Венгрии.⁴³ Отмеченная выше разностильность дуката и корабельника 1470—1480-х годов даже может подсказать соображение о двух разных граверах их штемпелей. Палеография и лексика еще одной московской денги Ивана III («Мастер Александр») указывают, как кажется, еще на одного итальянца в Москве.

Н. П. Лихачева, утверждая, вопреки указываемым выше источникам, что Вольпе прибыл в Москву лишь в 1469 г. (с. 285), а второе имя в легенде «угорского» объясняет тем, что Иван III, борясь за упрочение престола за сыном с 1462 г., именовал его великим князем.

⁴⁰ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 150; по свидетельству Павла Алеппского, в его время турки называли русского царя «ак-падишах» (Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию во второй половине XVII века, описанное его сыном..., вып. 4. 1898, с. 144).

⁴¹ Мец Н. Д. Монеты Великого княжества Московского (1425—1462). — Нумизмат. сборник Гос. Исторического музея, 1974, 3, с. 24, 36, табл. на с. 144.

⁴² Орешников А. В. Орнотелес — денежник Ивана III. — В кн.: Старая Москва. Изд. Московск. археол. об-ва, 1914, с. 50—52.

⁴³ Собко Н. Русский биографический словарь. Фабер-Цявловский. 1901, с. 141—144.

Таким образом, в течение значительной части княжения Ивана III в Москве прослеживается присутствие итальянцев-денежников, появившихся еще при Василии Темном. Не может не привлекать внимания последовательность, с которой роль монетчика-откупщика предпочтительно отдавалась иностранцам, которые при всем том в технологии основной по значению серебряной чеканки Василия Темного и Ивана III не оставили никакого следа. О них говорят только надписи на двух московских денгах (см. таблицу, 12—14). Как видно, перед Русью XV в. вовсе не стоял вопрос о желательности придания европейского вида выделяемым из западного серебра русским монетам: предпочтение отдавалось Востоку, куда в XV в. денга успешно прокладывала себе дорогу.

Кроме специальных заказов, как рассматриваемые золотые, от иностранцев ожидалось, видимо, лучшее, чем у своих мастеров, знание металлургии драгоценных металлов, а может быть, и до Москвы доходили слухи об удивительной науке, способной превращать медь и олово в золото и серебро.

Обе реплики иностранных монет, столь близкие по особенностям их легенды, должны рассматриваться вместе, так как они представляют одно и то же явление русской истории и один ее период. Оба московских золотых, выделанных из золота иностранных монет и по их образцу, объединяет и отличает от обычных русских монет того времени их двуименность: на всех типах чеканенных в Москве серебряных денег 1462—1505 гг., как и на более тяжелых новгородских (с 1480-х годов), неизменно находились титул и имя одного только Ивана III;⁴⁴ если бы перед ним стояла задача пропагандировать в монетных легендах наследника престола, именно основе обращения — серебряным денгам — следовало бы принять это на себя.

Чтобы приблизиться к пониманию назначения русских золотых и места их среди прочей продукции московских денежников, необходимо иметь хотя бы общее представление о деньгах Руси XV в., в частности о ее монетном и монетовидном золоте. Во второй половине XIV и в начале XV в. великие и малые княжества и города-республики Руси обзаводились своей монетой. Последними были Новгород и Псков, которым пришлось в 1420 и 1425 гг. отказаться от «немецкой» монеты. Ввозившееся главным образом при их же посредничестве слиточное серебро рудников Западной Европы на несколько веков стало основным, ведущим металлом Руси, но превращалось оно в монету восточного, татарского типа, чеканившуюся на расплющенных обрезках проволоки, как генуэзско-татарские аспры.

Ко второй половине XV в. русские серебряные денги (более крупные новгородские и псковские, легкие московские) успели

⁴⁴ Спасский И. Г. Деньги и денежное хозяйство XVI и начала XVII в. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в. М., 1976.

завладеть обширным рынком татарского Поволжья. Однако развивавшиеся более дальние торговые связи на юго-востоке, в частности выкуп пленников, а также требовавшие немалых затрат контакты с православной церковью Балкан и Ближнего Востока, все более частые дипломатические сношения с дворами Европы требовали другого, более ценного и всепроникающего металла — золота. Вслед за серебром оно сочилось с Запада на Русь, но уже только в виде монеты.

Как выгодный для оборотов русской торговли и для удовлетворения более или менее постоянного местного спроса, «транзитный» товар — монетное золото Запада — постоянно присутствовал в XV и XVI вв. на рынках Москвы и Новгорода, а в XVI—XVII вв. — уже Казани и других центров ставшего русским Поволжья; и все в том же виде европейских монет уходил дальше на Восток, не оставляя сколько-нибудь заметных следов своего участия во внутреннем повседневном денежном обращении Руси. Кильбургер очень четко определил товарную роль иностранной золотой монеты на московском рынке в XVII в., отметив регулярное повышение цены ее в периоды пригона многотысячных конских табунов из Ногайской и Киргизской орд, которые были одним из звеньев «золотого моста» Запад—Восток.⁴⁵ А. А. Зимин приводит данные по этому же торгу в XVI в. за ряд лет, несомненно тоже с оплатой золотом; о 40 000 коней, пригнанных под Москву в 1474 г., сообщают летописи.⁴⁶ Торговая книга — памятник XVI в. — видит в западной золотой монете только то, чем она и была на Руси, т. е. товар. Наставление о ее закупке предварено замечанием: «а из воли нам серебро больше ся золота пригожает и борже к денгам».⁴⁷

С XV по конец XVII в. в России названием дуката, т. е. известной всей Западной Европе и далеко на Востоке золотой монеты весом около 3,4 г, стало слово «угорский» (венгерский). Осмысленно и закономерно оно возникло в то время, когда после основательного перерыва именно венгерские дукаты вновь знакомили Русь с монетным золотом — после уже забытого византийского. В течение некоторого времени «угорским» принадлежало главенствующее место в притоке золотой монеты в Москву, хотя там имели представление и о золотых Италии; впервые они показывались в Москве из итальянских факторий Причерноморья вместе с первыми итальянцами. В 1490 г. посольству Ю. Траханиота предписывалось остатки отпущенной с ним казны (пушнины) «продати на золотые венединские или на угорские, да золотые

⁴⁵ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 120 и 159.

⁴⁶ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 221 (1447 г. — 20 тыс. голов; 1529/30 г. — 80 тыс.; 1530/31 г. — 30 тыс.; 1533/34 г. — 50 тыс.), с. 387; ПСРЛ, т. 26, с. 254.

⁴⁷ Зап. Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва, т. I, 1850, отд. 3, с. 117.

привезти к великому князю». ⁴⁸ Утратив к XVI в. смысловую конкретность, слово «угорский» надолго осталось русским метрологическим понятием (единицей веса золота), а как название распространилось на монеты этого веса любого происхождения, включая уже и золотые, изготовлявшиеся в Москве, поскольку пормой их веса был «угорский».

Вторым и не менее употребительным, особенно в XVI и XVII вв., для любых дукатов стало название «золотой» — вполне конкретное, так как оно, как существительное-определение, не распространялось на имевшие собственные имена два вида более тяжелых золотых монет — корабельники-нобли (около 7.30 г) и португалы (европейские и русские десятикратные дукаты около 34.0 г). Но при другой кратности дукаты оставались «золотыми» с соответствующей оговоркой — двойной, тройной, иногда даже «одинакий». Оба названия, когда это требовалось, уточнялись словами «русский» или «московский». В XVII в. для иностранных дукатов укоренилось пришлое «червонный», «червонец» (от польского «червонный злотый»).

По-видимому, еще в XV в., к которому относится самое раннее известие летописи о «государевом жалованье» золотою денгою храброй устюжской судовой рати в 1469 г., ⁴⁹ слово «золотые» (только в форме множественного числа) приобрело совсем особенное значение, настолько специфическое, что даже относилось впоследствии не обязательно к изделиям из золота. Золотые — официальное название сложного комплекса разнообразных монетовидных знаков — государственных, точнее, государевых наград, почетных знаков древней Руси за ратные подвиги. Их высшую группу как раз и составляли золотые западного вида, т. е. правильной круглой формы, но, как правило, только русские — от португала, жалуемого самым знатным воеводам, до «одинакого» угорского, порою даже трехчетвертного или половинного.

⁴⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VI, прим. 342.

⁴⁹ Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852 до 1598 года. М., 1819, с. 170—173. Забота Ивана III о рати выразилась в присылке продовольствия, оружия и одежды — всем по шубе, однорядке и сермяге, а также в выкупе пленников. Посылка сверх этого тремстам уцелевшим в славной битве устюжанам двух денег, да еще «двожды», т. е. одной за другою, может быть понятна, только если эти награды были предназначены не всей рати, а двум лицам. Это не могли быть воеводы, которые повели рать из Устюга: они не поладили в пути, и рать заменила их боярином Иваном Руном, но и он во время штурма Казани оказался не на высоте. Летопись с восхищением отзывается о мужестве князя Ивана Ряполовского с сыном и не принадлежавшего к рати князя Василия Ухтомского, который остался с ратью и сплыл с нею в Нижний. Если золотые предназначались особо отличившимся руководителям, то позволительно, помня столь подходящий к случаю сюжет корабельника, высказать соблазнительное предположение, что «золотыми денгами» были названы русские корабельники (более ранние, чем описанный выше; имени наследника на них еще быть не могло).

Известен единственный достоверный случай пожалования большой западной монетой — португалом Эммануила Счастливого (1521—1577), что и не удивительно: на нем находилось изображение креста, окруженное надписью: *In hoc signo vinces* — сим победиши! (см. таблицу, 15). Наверно, эти слова искупали неканоническую форму креста — «крыжа». Царь Федор Иванович пожаловал им в 1591 г. за победу над Казы-Гиреем у с. Коломенского князя Ф. Мстиславского, а он отдал свою награду в Николаевский собор Зарайска, где монета хранилась у иконы Николая еще в XIX г. (Вторым португалом, может быть таким же или русским, был награжден тогда и Борис Годунов). К этой же раздаче относится редкое упоминание о наградах — «корабельных»: «Иным боярам, и воеводам, и окольниковым, и всей рати в два золотых корабельных, а иным корабельные, а иным в полтора угорских и угорские».⁵⁰ Но двойной «корабельный» и полторный «угорский» убеждают, что «корабельный» здесь, как и «угорский», только метрологические понятия для обозначения веса золотых русской выделки, так как подобные западные номиналы неизвестны.

Награды ниже среднего ранга изготовлялись уже по-русски из плющеной проволоки, обычными штемпелями серебряных денег и копеек, но проволоку для них тянули из золота; для войсковых низов наградами служили обыкновенные серебряные, только позолоченные монетки. Для XVI—XVII вв. можно насчитать не менее 15 «степеней» золотых. Эта сложная система соответствовала социальной структуре русских ратей; как боярину-воеводе «невместно» было получить золоченую копейку, так простому ратнику не к лицу была даже золотая копейка — обычная награда гвардии — московских стрельцов да казаков. Но и воеводе не получить было золотого, если не дать заслуженную копейку или денгу ратнику. По крайней мере с XVI в. уже награждались не одиночки, а отряды и рати.

Почетное пожалование и было главной областью применения русских крупных золотых всех видов, поэтому-то и называть их монетами невозможно: создавались они не для купли-продажи. Даже заказы на их выделку, как и на золочение копеек, давались денежному двору из разряда, ведавшего наградным делом, или даже непосредственно «сверху» — из дворца, по росписям, соответствовавшим утвержденным царем наградным документам. Известно, что при патриархе Никоне заказы денежному двору на изготовление «золотых» исходили даже от Патриаршего двора.

⁵⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. X, прим. 270; Спасский И. Г. «Золотые»..., с. 98; Россия. Полное географическое описание..., т. 2. СПб., 1902, с. 292; Калайдович К. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1823, с. 41.

Действительный корень. великого цр
 и коншини сьмихилоплендїе днч
 гднбской

И протинъ архгглашсыпаша ефо
 и на средней дквтон
 цѣтлкоже

и в части

о вьпа

ша

ефо

;

и в во с в днч

Рис. 2. Велчание на царство Ивана IV 16 января 1547 г. — осыпание золотыми.

Миниатюра XVII в. из Царственной книги.

В 1656 г. заказы делались пять раз — общее количество золотых составило 110.⁵¹

Время от времени русские золотые получали еще одно столь же специфическое применение: начиная с венчания Иваном III в 1496 г. на великое княжение внука Дмитрия прослеживается, как, оживив хорошо знакомую Руси XV в. традицию константинопольского двора, золотые разных сортов становятся принадлежностью этой церемонии: венчаемый трижды осыпался ими при обходе кремлевских соборов, на их ступенях (рис. 2). Такого же происхождения обычай бросать те же золотые в толпу при следовании через нее торжественной процессии. Даже для всех коронаций XVIII в. изготавливались неизменно в весе дуката специальные коронационные жетоны для осыпания и раздач.⁵²

Наконец, в документах XVI—XVII вв. сохранились упоминания об отпуске из казны золотых (только русских) для царских богомольных «походов» — посещений святынь. Царь «жаловал» золотые к иконам. Но вслед за устюжанами, отдавшими свои награды попу «кой с ними под Казанью был, а велели бога молить о государе и всем его воинстве», многие привешивали свои золотые к храмовым иконам. Иван IV с сыном, возвращаясь из Ливонского похода, отдали свои заслуженные золотые в Новгородский Знаменский собор.⁵³ Золотые «привесистые» часто значатся в описях ризниц; в домовый казне патриарха Никона, по описи 1658 г., помимо многих десятков разного веса «прикладных» золотых, оказался фунт с четвертью «копеек серебряных золоченых... у образов».⁵⁴

Тип русского почетного золотого, судя по сохранившимся образцам, в XVI в. еще только складывался. На золотых Грозного и Федора Ивановича одну сторону сперва занимала традиционная (для проволочных монет) надпись в несколько строк, а другую — государственный герб или (на золотых Федора Ивановича) царь со скипетром на коне. Но на пятикратном золотом Грозного находятся уже круговые надписи, и обе стороны занимают почти одинаковые гербы; на определяемой началом легенды главной стороне на грудном щитке орла находится изображение единорога, на другой — святого змеборца-всадника. Этот тип после Федора Ивановича закрепляется для всех «одинаких» и кратных

⁵¹ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904, с. 114.

⁵² Барсов Е. Древнерусские памятники священного венчания на царство в связи с греческими их оригиналами и с историческим очерком царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883.

⁵³ Спасский И. Г. «Золотые»..., с. 96, 97.

⁵⁴ Переписная книга домовый казны Патриарха Никона. — Временник Московского общества истории и древностей, 1852, кн. 15, с. 22 и 45. См. также: Записки АО (старая серия), 1857, т. IX, вып. 2, с. 414 и сл.; 1857, т. X, с. 360 и сл.; Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960, с. 291 (800 золотых «прикладных» денег из Успенского собора в Приказе приказных дел в 1643 г.).

золотых. В самом начале развития «европеизированного» типа золотого логично поставить первые опыты прямого подражания западным монетам — эрмитажные угорский и корабельник.

Внеэкономическую специфику монетного и монетовидного золота на Руси XV—XVII вв. невозможно рассматривать без учета

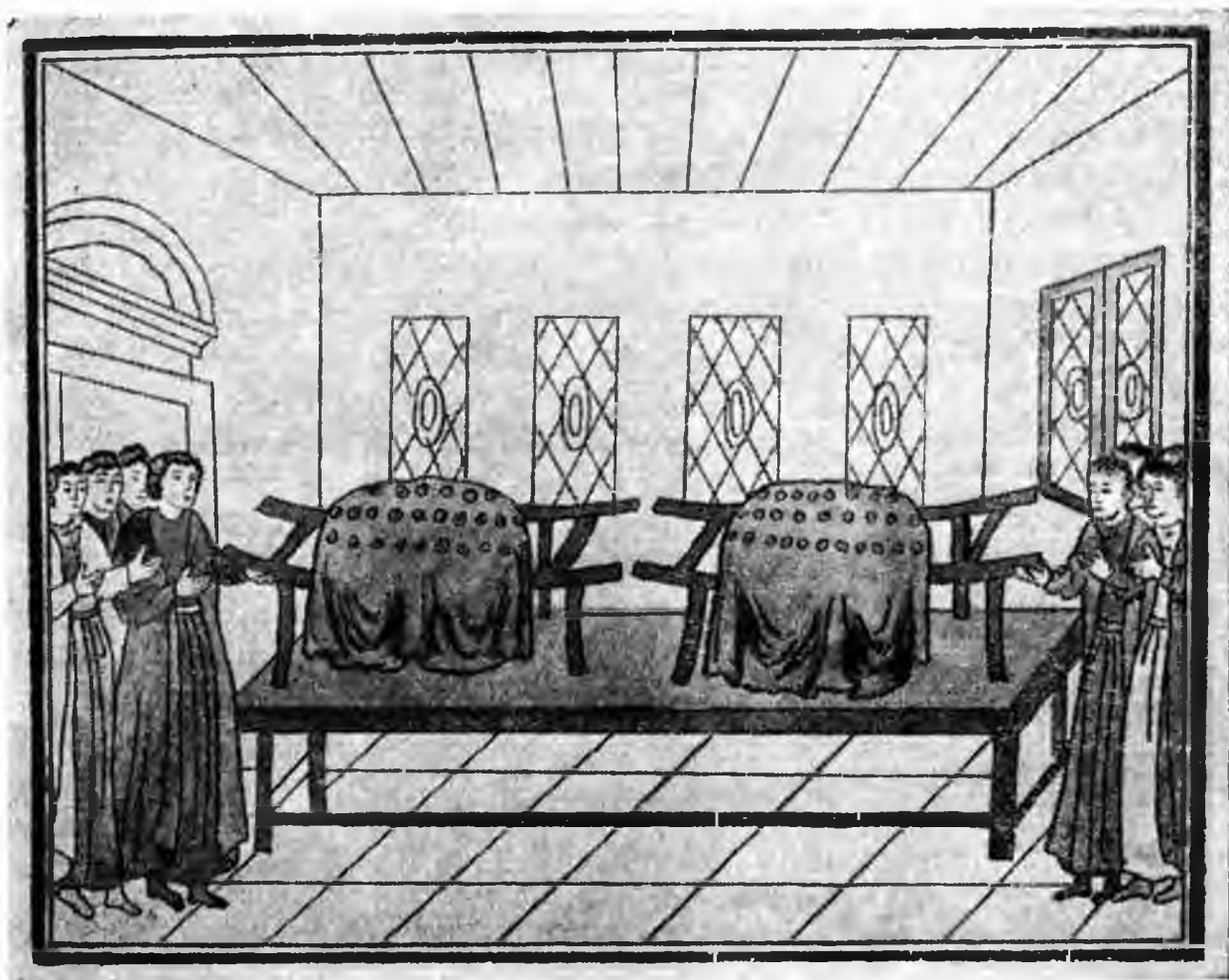

Рис. 3. Свадьба царя — пенязи на караваях.

Рисунок XVII в. из книги: Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году. . . при бракосочетании . . . царя и великого князя Михаила Федоровича с . . . Евдокией Лукьяновной из рода Стрешневых. М., 1810.

комплекса веками складывавшихся представлений о некой магической природе золота, к сожалению, почти не исследовавшихся.⁵⁵ В XIX в. золото хоронили «в простонародной игре о святках».⁵⁶ Золотой остров или золотой мост на море-окияне, золотого коня или золотого человека, который стружет золотые стрелы, знают заговоры Руси,⁵⁷ а ранее всего подобное значение золота ощущимо в древних клятвах: «покладоша оружие свое и щит, и зо-

⁵⁵ Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. — В кн.: Византия. Южные славяне и древняя Русь. М., 1973.

⁵⁶ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, т. 2. СПб., 1847, с. 95.

⁵⁷ Буслаев Ф. И. Сочинения, т. 2. СПб., 1910, с. 45; Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук

лото, и ходи Игорь роте и люди его»; «...да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и в Велеса, скотья бога, и да будем колоти, яко злато и своим оружием исечени будем».⁵⁸

Новая вера, изгнавшая Перуна и Велеса, тоже почитала золото: его вместе с ладаном и смирной принесли новому богу, когда он родился.⁵⁹ Золото и позолота мерцали на стенах и иконостасах великих храмов Руси, сверкали на богослужебной утвари и на облачениях священнослужителей, в окладах и украшениях икон, потому-то и золотым там было место. Золото было непременным реквизитом великокняжеских и царских свадеб;⁶⁰ как в упоминавшемся выше осыпании, золотые у каравая (рис. 3) и у брачной постели открыто представляли волшебство, а от всех императорских похорон XVIII в. сохранились «печальные дукаты» — золотые с изображением гроба и надписью «Общая печаль». Не обходилось без золотых даже посвящение в сокольничие.

Исконно почетная роль русских, московских золотых особенно наглядно представлена в письме Ивана III, отправленном в июне 1484 г. его послу в Крым. Князя тревожило, как бы не передумали, да не повернули назад идущие в Москву итальянцы, пушечник и каменщик: сговоривший их в службу посол Мануйло Грек «уже им золотые подавал на протор» (т. е. на дорожные расходы). Чтобы задобрить их, князь посылает с гонцом им навстречу «от себя поминка» — «по золотому московскому»! При найме в Италии им даны были, конечно, европейские дукаты, а русский золотой, который там озадачивал бы любого менялу, посылался в почесть, как поминок.⁶¹ Такою же почестью была встреча на границе с золотыми «за полонное терпение» возвращающихся пленников,⁶² за которых выкуп давался обыкновенными западными дукатами. Торжественной значительностью проникнут церемониал вручения золотых со спрашиванием от имени государя «о здоровье» и с чтением его «милостивого слова» — описания подвига и указа о пожаловании. Раздачи порою вызвали местнические споры.

Особое отношение распространялось в определенной мере и на обыкновенное монетное, т. е. западноевропейское, золото. Опи-

в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 421—512; Сборник заговоров II четверти XVII в., № 18, 29, 77, 90, 91, 98, 99, 101, 111, 116, 122.

⁵⁸ Срезневский И. П. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, с. 905.

⁵⁹ Евангелие от Матфея, II, 1.

⁶⁰ Лихачев Н. П. Пенязи великокняжеских и царских свадеб. — Труды Московск. нумизмат. об-ва, 1898, т. I, с. 103—108.

⁶¹ Сборник РИО, 1884, т. 41, с. 43. В. А. Калинин обратил мое внимание на неверное изложение мною смысла этого документа в «Золотых...» (с. 95). Моя ошибка делает меня причастным к тезису статьи В. М. Потина, признающему чеканку 1462 г. попыткой введения Иваном III золотой монетной чеканки (с. 289, 292—293).

⁶² Сборник РИО, 1887, т. 59, с. 355—356.

сывая торговлю золотыми монетами на московском рынке, Кильбургер отметил также, что цена на них всегда повышалась перед русскими праздниками.⁶³ Старинный обычай одаривания золотом старших приводил его в движение, и чисто почетная функция золота оборачивалась регулярными пополнениями государевой казны.

Патриарх Никон злобно осуждал этот обычай, комментируя известные вопросы боярина С. Л. Стрешнева. «Устав положен не всем по каким законам, еже празднуют патриарси Успения... и в неделю Ваий, и представление святого Петра митрополита..., и во такие праздники призывается от патриарха и от всего священного собора царь и со всем синклитом на праздники... и по ядении хлеба, подносит патриарх великие дары с останков церковных вещей. И царь приемлет те дары, отсылает в свою царскую казну... А се ли не обида, ей, обида есть, и немала святей великой церкви».⁶⁴

Никон не назвал главную форму этого «оброка» — золото. Но И. Е. Забелин подробно рассмотрел прослеженный им с XVI в. традиционный порядок подобного же приема в Золотой палате дворца на светлой неделе, в ходе которого уже гости царя оказывались платящей стороной. Дань золотом собиралась не только с духовных вельмож — патриарха, митрополитов, архиереев и в виде исключения только с одного Троице-Сергиева монастыря (остальные выполняли свою повинность «на низшем уровне»), но и с гостей, и торговых людей Москвы, Новгорода и Пскова, Ярославля, Нижнего Новгорода, Казани, Астрахани, Сибири, с которых требовались строго определенные количества «угорских», недодача записывалась как недоимка. Дары именитых людей Строгановых превышали сумму всех приношений торговых людей и уступали только патриаршему. Последний составляли, кроме соболей, 100 золотых царю, 100 — царице, царевичам — по 50 и царевнам — по 30.⁶⁵

В расходной книге Вологодского архиерейского дома среди частых записей о покупке золотых под 1675 г. значится: «Куплено к празднику светлого Христова воскресения великому государю в поднос 100 золотых червоных одинаких».⁶⁶ Именно по подобным каналам «золотого оброка» русские наградные золотые, посвященные иконам, могли возвращаться из храмов непосредственно в казну: так могли оказаться в ней «400 золотых на проволоке меденой с дырками» (новые золотые раздавались без

⁶³ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера..., с. 159.

⁶⁴ Каптерев Н. Ф. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, т. 2. Сергиев Посад, 1912, с. 191—192.

⁶⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. Изд. 2-е. М., 1872, с. 362—365. См. также: Путешествие антиохийского патриарха Макария..., вып. 3. М., 1898, с. 179; вып. 4, с. 19—20, 31—32, 33—34.

⁶⁶ Суворов И. Цены золота и серебра в XVII столетии. — Изв. Археол. об-ва, 1861, т. 2, с. 246.

отверстий).⁶⁷ «Поминками» подобного рода царю и царице сопровождалась любые хлопоты городов в Москве.⁶⁸ Все превосходит по масштабам дань, собранная Иваном III в Новгороде за два месяца «пирований» у новгородской знати в 1476—1477 гг.: 1368 корабельников, не считая «угорских».⁶⁹ Золото поистине было великокняжеским и царским металлом, а система пополнения им казны очень поучительна.

В прошлом золотой монеты на Руси, где так причудливо переплетаются экономика и идеология, первая решительно отступает, когда дело касается русских золотых. Почти тысячу лет назад в Киеве ненадолго появились первые золотые монеты Руси, выделявавшиеся несомненно из золота привозных византийских монет (в их весе и по их типу), но с русской надписью: «Володимир на столе, се его злато». И они были не чем иным, как репрезентативными памятками, призванными освящать власть князя (его образ сочетался на них с образом нового божества) и провозглашать суверенитет молодого славянского государства на Днепре.⁷⁰ Точно так же и рассматриваемые золотые подражательные «монеты» Московской Руси, материалом для которых могли служить только западные монеты, менее удачно и очень наивно повторяли тип последних, присваивая их образы и геральдику. Но златников дошло до нас десятков, и ни один из них не имеет отверстий, а XV век остается представленным только двумя уникалами с проколами.

Далеко не случайно все донныне известные упоминания о самых ранних русских золотых XV в. так или иначе связаны с разного рода дипломатической практикой. В 1463 г. московский посол привозит в Милан золотые Ивана III при уведомлении о вступлении его на отцовский престол.⁷¹ В 1484 г. великий князь посылает свои «поминки» нетерпеливо ожидаемым мастерам-итальянцам,⁷² в 1486 г. в Милане же записывается рассказ русского посла; он расхваливает богатство своего князя и находит необходимым сообщить, что в Москве «золотой дукат по цене и весу равен турецкому и венецианскому дукату».⁷³ Вполне очевидно, что речь идет не о прекрасно известном слушателям европейском дукате, а о золотых великого князя, скорее всего, посол даже демонстрировал их, умалчивая о количественной стороне дела.

Золотые подражательные монеты были за границей «визитными карточками» московского князя и его государства, а на

⁶⁷ Виктор А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, т. I. М., 1877, с. 13.

⁶⁸ РИБ, 1884, т. IX, с. 1, 3, 106.

⁶⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Новгородская 4-я летопись, с. 514—515.

⁷⁰ Спасский И. Г. Накануне тысячелетия монетной чеканки древней Руси. — Нумизматика и сфрагистика (Киев), 1974, т. 5, с. 31.

⁷¹ Гуковский М. А. Сообщение о России..., с. 648—655; Потин В. М. Венгерский золотой..., с. 284.

⁷² Сборник РИО, 1886, т. 51, с. 43.

⁷³ Гуковский М. А. Сообщение о России..., с. 655.

Руси их роль самой ранней формы «государева жалованья» поданным наиболее вероятна. Данные нумизматики не могут поколебать убедительность предложенной Н. П. Лихачевым атрибуции угорского, как и достоверность данных летописания о времени провозглашения Ивана Молодого великим князем. Самые первые русские золотые XV в. (включая и остающийся пока неизвестным золотой работы Якопо), как и решительно все русские золотые XVI—XVII вв., принадлежат к области «почестей» древней Руси, а видеть в них какие-либо начинания экономического характера нет достаточных оснований. Ничем иным они и быть не могли в условиях организации монетного дела в XV в. — денежного откупа, т. е. передаваемого государем определенному лицу права выделывать за плату законную монету.

Обслуживая и самого государя, откупщик строил свое благополучие на заказах клиентуры — торговых людей. Русская ходячая серебряная монета непрерывно требовалась им для оборотов на внутреннем рынке и на Волге. Как поначалу слиточное серебро, так и сменившее его в первой половине XVI в. серебро в виде тяжелой талерной монеты при переделке в русскую гарантировало заказчикам верную прибыль: право свободно заказывать монету из своего серебра было привилегией русских торговых людей до середины XVII в., когда и закупка драгоценного металла, и выделка монеты стали монополией казны.

Золотая монета Запада с ее признанным всем миром весом и качеством металла поступала на русский рынок во вполне пригодном для отпуска на Восток виде. Тратиться на «переодевание ее в новый мундир» не было никакой разумной причины у ее держателей — торговых людей, не говоря уже о том, что такая переделка неизменно снижала бы меру доверия: хорошо известно, как опасливо относился древний рынок к новым, неизвестным ему видам золотой монеты.

Заказы денежнику на выделку русских золотых исходили только от князя, которого при его специальных целях не останавливали лишние затраты, но говорить можно только о количественно ничтожной выделке «почетных» золотых, а никак не о «выпуске в обращение». Для Руси XV—первой половины XVII в. этот современный термин вообще не подходит. Пока оставалось в силе право свободной чеканки, «выпуск», т. е. пополнение обращения новой монетой, выделяемой по заказам владельцев металла откупщиком, а позднее денежными дворами, оставался прерогативой торговых людей. Сам тип монеты XV в., судя по московскому серебру, еще не был узаконенным, унификация его только начиналась в 1480-х годах в Новгороде; он еще часто изменялся у откупщика, и в этом смысле «выпуск» был непрерывным.